

A misty autumn park scene with trees and a path. The image shows a paved path leading through a park with trees that have yellow and orange autumn leaves. The air is thick with mist, creating a soft, ethereal atmosphere. In the foreground, there are park benches and a trash can. The overall color palette is muted, with a lot of greys and soft yellows.

Л И Л Я

Владимир Тубский

Владимир Губский

Лиля

«Издательство «Перо»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Губский В. В.

Лиля / В. В. Губский — «Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-286-9

В новой повести «Лиля» автор исследует вечную тему любви, счастья и справедливости. Хрупкое счастье и представление главного героя о справедливости разбиваются о невидимые барьеры реальной действительности эпохи «застоя». Но настоящая любовь не умирает, она навсегда остаётся в памяти героя, как вечная и незатухающая боль. Повесть «Лиля» хронологически является продолжением романа «Остров на болоте». Книга издаётся в авторской редакции.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00150-286-9

© Губский В. В., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Повесть	5
Лиля	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Губский

Лиля

Повесть

«Молодое счастье всегда незрячее...»
М. Шолохов

Лиля

1

Драгоценна утренняя тишина...

Рассеянный свет мягко оживляет окрестный пейзаж, на мгновение зависает в жёлтой дымке над прудом и устремляется ввысь – к церковным крестам, изливаясь на них расплавленным золотом. Священную тишину прерывает побудный петушиный вопль, провозглашающий перемену даты и начало нового дня. В ответ ему с противоположного берега пруда доносится бестолковый собачий лай. Минут десять длится этот нестройный «концерт», затем всё стихает, только со стороны берёзовой рощи продолжают свою партию соловьиные флейты.

Сознание удерживает обрывки сна – что-то из далёкого прошлого, благополучно забытого, в которое уже тяжело возвращаться. Не открывая глаз, я пытаюсь рассмотреть последние картинки, но они, как языки пламени, ускользают от меня, оставляя неясные образы... Ну и ладно! Я открываю глаза и упираюсь в потолок. Сон ещё ворошит дальние задворки памяти, отыскивая и выталкивая на поверхность старый хлам, и на белой пелене потолка, как на экране, то и дело возникают и исчезают смутные, расплывчатые, неясные фигуры... Я продолжаю лежать, смагивая последние видения и пытаюсь привести себя в активное состояние.

Господи, дай мне сил...

Однако что же мне сегодня снилось? Институт... фонтан... однокурсники... но было что-то ещё... Я кормил голубей, и одна голубка клевала у меня с руки... А когда я приблизил к ней другую руку, чтобы погладить – она упорхнула...

Прошло так много лет, что моя студенческая молодость, вероятно, скоро обретёт антикварную ценность. Светлые годы жизни остались в далёком прошлом, и горько сознавать, как расточительно мы тратили своё время, как беспечны были мы. За спиной у каждого из нас была только школа, а впереди ждала целая жизнь, полная неизвестности, наивных надежд и казалось, что так будет всегда. И теперь, будто воспарив над той, затянутой дымкой времени, студенческой жизнью, я вижу, что вся она была соткана из моих эмоций, и лишь на десятую долю – из здравого смысла. Но в этом и кроется секрет счастья, которым окутана наша молодость и осознание которого приходит только с годами.

Таков великий «замысел» природы: молодость наделять радостью, а старость – мудростью. И «блудный сын» всегда будет возвращаться к отцу, познав цену своих непутёвых желаний.

Иногда так подумается: «А что было бы, если бы молодые обрели мудрость?» А наступил бы конец света, господа. Разве стали бы мудрые кавалеры тратить время на ухаживания за барышнями, а тем более терпеть их капризы? Им вовсе не было бы до них никакого дела, и нетрудно предположить, что человечество прекратило бы своё существование. Поэтому муд-

рость не торопится обосноваться в головах молодых людей, она приходит лишь тогда, когда уже все «ошибки» совершены и поздно, что-либо менять в жизни.

Наличие мудрости у молодых не предусмотрено природой. Взамен им даётся инстинкт, приносящий радость, который и решает за молодых, что им следует делать. В этом великом обмане и состоит «замысел», который, как воинский Устав, нельзя нарушать, иначе род человеческий пресечётся.

Что же касается меня, то я не пример для подражания. В молодые годы я отказывал себе в том, что другие делали, не задумываясь, а просто в силу своего желания. Я же всякое своё хотение подвергал сомнению, спрашивая себя: «Хочу ли этого я сам или этого хочет за меня природа?» Я вырабатывал силу воли и не позволял себе многих удовольствий молодости, считая их приманкой природы, например – никогда не танцевал с девушками. Никакое желание не имело для меня значения, нужно было лишь сказать два волшебных слова – «хочется – перехочется». Со временем я выработал для себя правило – «желание – ничто, воля – всё». В этом старании я, кажется, преуспел...

Теперь, когда пришло время мудрости, я думаю иначе: я был грешен, но не ведал этого, потому что жил в безбожную эпоху и всякую борьбу с «природой» воспринимал как борьбу со стихией. Образы литературных героев из школьной программы: Рахметова, Базарова и Корчагина – сделали своё дело, и великим грехом моим стала гордыня, потому что вознамерился я сопротивляться Тому, Кто создал меня.

Но в современном мире моё старое правило неожиданно обрело новое, важное и вполне конкретное значение. В эпоху глобального потребления главным моим противником стала не «природа», а некая сила, навязывающая ненужные мне желания. И здесь моё правило – «желание – ничто, воля – всё» – работает безотказно. Никакая реклама, мода, престижность и прочие «маркетинговые» ходы не властны надо мной. И теперь я думаю, что был прав, когда воспитывал в себе с юных лет дух сопротивления желаниям. Настало время – использовать приобретённый иммунитет.

Грустно ходить по местам давно отгремевших боёв и отыскивать среди молодой поросли следы осыпавшихся окопов... Так и мне не хочется возвращаться туда, где прошли лучшие годы моей жизни, хотя мне известно, что несколько моих бывших однокурсников всё ещё обитают в стенах нашей alma mater, правда, в качестве профессоров. Интересно, как чувствуют они движение времени, находясь в постоянно меняющемся потоке молодых поколений. Бежит ли для них оно быстрее или отстаёт? Вполне допускаю, что стрелки наших часов не совпадают. Во всяком случае, возвращаться туда, где были мы молоды и счастливы, где кипела, переполненная чувствами, жизнь, не так-то просто, а порою – невыносимо.

Иногда мне кажется, что моя молодость – это кадры старого чёрно-белого кино, как «Доживём до понедельника». А впрочем, так оно и есть. Этот фильм – о моём поколении. И наш архитектурный институт давно уже не тот, каким был раньше. Думаю, что с появлением компьютеров утратилось мастерство классического черчения, исчез авторский почерк. Возможно, это не имеет никакого значения для обладателей бесконтактных телефонов, но всё же что-то мы потеряли.

Иногда задаю себе риторический вопрос: «А написал бы Пушкин своего «Евгения Онегина», будь у него компьютер?»

Разумеется, я не застал то прекрасное время, когда мир писал гусиными перьями, но в свои школьные годы я писал ими. За сараем, на выгоне, где паслись соседские гуси, я собирал выпавшие из их крыльев перья, приносил домой и затачивал их «перочинным» ножом. Получалось не сразу, но я был упорен в своём желании добиться успеха и, в конце концов, добивался. Потом я гусиными перьями писал свои первые стихи. Несколько перьев и старую чернильницу я храню с той поры... так, на всякий случай.

Но всё же моему поколению повезло – мы жили и учились в ту благословенную эпоху, когда пассажиры в метро читали книги, их уши были свободны от проводов и доступны общению, а русский язык ещё не был так бесцеремонно захламлён иностранным мусором. Молодым может показаться странным, но слова «кобель» и «сука» – это о собаках, а «мальчик» и «девочка» – это о людях. И защищать свой язык нужно так же, как защищать Родину. А попавшие в плен иностранные звуко сочетания неплохо было бы, для начала, обучить падежным окончаниям, или пусть катятся на все четыре...

С грустью и огорчением я наблюдаю за тем, как всё меньшее количество людей знает, что нет в русском языке глагола «кушать», что вместо этой лакейской размазни, которая, как ругательство, режет слух, следует использовать глагол «есть». «Я ем, он ест, мы едим».

Было же время, когда этому учили...

Где же оно теперь – наше светлое прошлое? В каком измерении искать его? Куда исчезли его звуки, запахи и голоса, задёрнутые пеленой бесконечной смены времён? Во что преобразилась вечная энергия его усилий, переживаний и возвышенных чувств? Где весь тот мир, в котором мы жили и учились, в котором любили и были счастливы? Где он? В какую звёздную бесконечность летит его свет? Не догнать уже...

И только упрямый сон пытается сделать невозможное. Он упорно вытаскивает из глубин моей памяти разрозненные обрывки...

Не спрашивайте меня: «Зачем?»

Зачем болит сердце? Зачем идёт дождь или пахнет в апреле оттаявшая земля? Зачем терзают нас воспоминания в минуты и часы душевного одиночества? Отчего с годами мы всё чаще ищем общения и тяготимся заслуженной свободой? Не потому ли, что мы боимся остаться один на один со своей памятью, от которой нельзя укрыться?

Так что же это такое – память – и почему она бывает такой жестокой?

Наша память – это кладбище на песчаных дюнах времени, где под слоем песка укрылось всё то, чем мы жили когда-то – очень давно. Ворошить память – всё равно, что рыться в могилах: не самое весёлое занятие. И всё же порою мы воскрешаем для себя давно забытые голоса и лица, и подёрнутые паутиной времени события. Мы погружаемся в этот сон, словно ходим по замку спящей королевы. Мы видим тех, кого знали когда-то, кого любили и с кем дружили, только все они погружены в сон и не видят нас. Тогда начинает перехватывать дыхание и замирает от боли сердце. Одиночество становится невыносимым, и душа не находит себе места...

Боже, утешь меня! ..

Сон приходит каждый раз незвано, приходит по-разбойному – под утро. Втекает с утренним молочным туманом, впивается в подушку и погружает меня в светлые годы моей молодости.

Бедное, но счастливое время! Сколько было сил и уверенности в себе, сколько желаний! Весь мир был нараспашку, а жизнь виделась далёкой перспективой – прямыми линиями, сходящимися на горизонте в точку. Эта точка была так далека и мала, что даже не рассматривалась как некая сущность, достойная подробного изучения. Возможно, эта точка была маленькой дырочкой, оставленной ножкой циркуля на бумаге, в которую, как в чёрную дыру, сходилась и втягивался весь мир.

Прошло сорок лет, настала другая эпоха. Государство сменило название и пол, и вместо бесстрастного отчима мы вновь обрели Родину-мать с гордым и красивым названием – Россия. Воинственный кумачовый цвет заменён на благородный синий, и далёкая некогда точка на горизонте приблизилась. Она превратилась в большое серое облако плотного тумана, в котором не видно берегов, но который неумолимо надвигается, поглощая и растворяя в себе, как в царской водке, всё живое.

Каким наивным я был, когда полагал, что миром правит справедливость и что зло всегда будет побеждаться добром! Так учила меня мать, хотя и не читала никогда Библии. И я был

уверен, что справедливость – есть одна из высших наших ценностей. По правде сказать, я и теперь в это верю, хотя жизнь неоднократно убеждала меня в обратном. Но я, как упрямый осёл, стою на своём и, уверовав раз, не отрекаюсь от своих убеждений.

2

Вторые петухи, как второй звонок в домашнем театре, возвращают меня к утреннему сну. Его расплывчатые картинки вновь кружатся перед глазами, выхваченные из тёмного сознания потоком света.

Шум и толчея у фонтана во дворе института сменяются тишиной Красного зала, где Бунин читает лекции по истории градостроительного искусства, в темноте над трибуной таинственно мигает огонёк его сигареты; на кафедре рисунка под сводами храма Николы-чудотворца в звонарях голые натурщицы танцуют с гипсовыми греческими атлетами...

Вращается карусель, мелькают старые картинки.

Сон прерывается всегда в одном и том же месте: когда я пытаюсь открыть эту чёртову дверь, ведущую на кафедру иностранных языков. Что же скрывается за ней, что прячет от меня моё подсознание? Быть может, ту, которую я когда-то знал? Её исчезающий, едва уловимый образ стёрся от времени, как итальянские фрески в романских храмах далёкой Тосканы, но стоит только на минуту сосредоточиться и закрыть глаза, как нежные её черты начинают проявляться сквозь толщу времени и обретать размытые очертания...

Всё предусмотрел Господь в этом мире: для преданности Он дал человеку собаку, для ласки – кошку, а для счастья – женщину. И нет смысла – искать иного счастья на земле. Возможно, моя большая ошибка заключалась в том, что я гнал от себя эту простую истину и пытался найти для себя какое-то иное счастье. Я ошибался, теперь я это знаю.

Когда-то профессор Бунин сказал мне: «Ценность жизни, Серёжа, измеряется не количеством прожитых лет, а их качеством». Он был уже болен, но продолжал работать над подготовкой к новому изданию своего главного труда – двухтомника «Истории градостроительного искусства».

Как давно это было...

Часы внизу бьют три четверти. Утренний свет уже ломится в окна, он как ртуть – проникает повсюду, не отбрасывая за собой тени. Большое солнце скоро поднимется над подёрнутой дымкой оранжевой кромкой леса, и тогда его яркие лучи начнут ползть по стенам комнаты, разыскивая развешенные на них картины. Надо вставать...

Я умываюсь, заправляю свою солдатскую постель и спускаюсь на первый этаж. Вся гостиная с эркером, где по утрам я занимаюсь живописью, залита светом. На мольберте томится в ожидании начатый вчера холст, на столе вповалку, как солдаты на постое, дремлют тюбики масляных красок, в керамических вазах дружно голосуют кисти-блондинки, выставив напоказ свою голую щетину, отстраняясь от них, сдержанно поблёскивают металлическим холодком безжалостные мастихины, а на подоконнике равнодушно растянулся услужливый муштабель. В противоположном углу комнаты скучает парочка свободных мольбертов – на них я выставляю законченные работы, устраивая домашние просмотры.

Прекрасны утренние часы в деревне. Соседи спят, и это радует. Благо – созерцать природу в абсолютной тишине. Рыбаки в этом смысле – часть природы: так же безмолвны. Соловьи заливаются в берёзовой роще, что вытянулась по берегу пруда перед моими окнами. Их трели гармонично вплетаются в утреннюю тишину, не нарушая её.

Как торжественно это тихое пробуждение...

Гуси на противоположном берегу неожиданно включают свои клаксоны, и вслед за ними в открытое окно врывается несносный собачий гвалт. Терпеливо жду, когда вновь воцарится тишина и гармония...

Прихватив чашку кофе, я выхожу на «палубу», чтобы насладиться солнечным утром и деревенским покоем. С «палубы» открывается прекрасный вид. Она обнесена ограждением, напоминающим корабельные леера. Сидя в кресле и закинув ноги на леера, я наблюдаю, как медленно поднимается из-за леса солнце, как редет туман над прудом и оживает природа, наполняясь звуками дня.

Зажмурив глаза, я вспоминаю белёсые суглинки тосканских холмов и зелёные долины Умбрии, извилистые дороги, обсаженные колоннадами кипарисов, крутые и узкие улицы средневековых городов, разбросанных по вершинам холмов. С высоты их стен я любовался чарующими видами, какие открывались и древним этрускам, и римлянам, и великим живописцам Возрождения. Люди, жившие в этих городах, в своих орлиных гнёздах, подобно птицам, могли озирать огромные пространства. Может быть, именно это ощущение полёта окрыляло и вдохновляло итальянских мастеров к созданию своих шедевров? Ландшафт, несомненно, оказывает наибольшее влияние на развитие искусства, на его формы, стили и характерные особенности.

Обо всём этом я думаю, пребывая на «палубе», наслаждаясь благодатью и тишиной. В этом торжественном безмолвии мне иногда начинает казаться, что я нахожусь в раю. Такое состояние длится до тех пор, пока первый автомобиль своим наглым появлением не нарушает природную гармонию.

Но порой мне кажется, что я уже присмотрелся к этой красоте, и она меня не радует. Причина такого огорчения кроется в том, что любоваться красотой в одиночку – всё равно, что в одиночку пить...

Не по-русски как-то...

Помню, первый в своей жизни отпуск я провёл в Крыму. За две недели, что я находился на южном побережье, я превратился в глухонемого, так как мне не с кем было общаться. Тогда я, быть может, впервые понял, что не только в беде, но и в радости негоже быть одному.

Я покидаю «палубу» и возвращаюсь в дом. И вновь, как блохи, набрасываются на меня воспоминания, выстраиваясь в обрывочные и нестройные ленты. «Дела давно минувших дней» поднимаются из тёмных глубин памяти и надсадно стучат в висках. Моя последняя институтская любовь – последняя отчаянная попытка обрести счастье...

Что ж, если сон так упорно напоминает мне о ней, быть может, настало время – рассказать, как всё было.

3

История эта началась в середине пятого курса, в один из последних дней 1976 года, а именно двадцать девятого декабря. Несмотря на приближение новогоднего праздника, голова моя была забита иными делами и заботами.

В институт я приехал к обеду, чтобы узнать оценку за сданный накануне курсовой проект реконструкции центра города Гагарина. Войдя в аудиторию, я обошёл расставленные по периметру проекты, нашёл свой, на котором в правом углу красным карандашом была выведена большая пятёрка. Не успел я отнести свой подрамник на кафедру, как меня вместе с другими старостами групп попросили зайти в кабинет проректора по научной работе.

Проректор Степанов был не один. В кабинете находились ещё два преподавателя, и сразу стало понятно, по какому поводу нас вызвали. Разговор зашёл об экзамене по теории архитектуры и о нашем коллективном письме на имя ректора архитектурного института с просьбой – отменить этот экзамен.

Дело было в том, что конкретных учебников по этому предмету в институтской библиотеке не было. Уважаемый профессор, читавший нам лекции, весь семестр рассказывал разные истории из своей трудовой жизни, которые, естественно, никто не записывал, так что конспек-

тов тоже не было. А как сдавать экзамен, если к нему нельзя подготовиться? Коллективное письмо курса было подписано старостами всех групп, поэтому нас – двенадцать представителей и пригласили к проректору.

Спорили долго. Профессор Иванов, читавший нам курс «теории», нервничал, коллеги успокаивали его. Ясно было, что уступить он не мог – не позволяли амбиции, ущемлённое самолюбие, потеря лица и всё такое прочее. Чтобы как-то выйти из сложившейся ситуации, проректором было принято «соломоново» решение: экзамен не отменять, но оценки в дипломные ведомости не выставлять.

Забегая вперёд, скажу, что через две недели на экзамене по «теории архитектуры» всему курсу поголовно были поставлены отличные оценки, и только старосты групп – двенадцать апостолов профессора Иванова – были удостоены оценки «удовлетворительно». Это была мелкая месть обиженного профессора, а для меня – пример неизбежных последствий борьбы за свои права.

Только я успел покинуть кабинет проректора, как на парадной лестнице был пойман моей однокурсницей Мариной Гнедовской, высокой, красивой и очень серьёзной барышней, и буквально за руку приведён в Красный зал для съёмки в телевизионном фильме «Летопись поколений, год 1932». Там, в зале, уже находилась небольшая группа студентов. Нас усадили в полукруг, и режиссёр, он же ведущий, стал задавать нам вопросы об эпохе конструктивизма в советской архитектуре. Мы отвечали на задаваемые вопросы и просидели, таким образом, около часа.

Сразу после окончания съёмки зал заполнился студентами, и началась новогодняя программа: демонстрация мультфильмов и выступление артистов Театра сатиры, но, по правде сказать, всё выглядело как-то скучно, не по-новому. Все ожидали главного мероприятия – танцевального вечера, который, как всегда, должен был состояться на первом этаже в выставочном зале.

Ансамбль «Машина времени», руководимый нашим однокурсником, уже настраивал свою аппаратуру. Снизу то и дело доносились пробные «громовые раскаты», заставлявшие радостно вздрагивать сердца. Ансамбль этот был популярен в кругах московской молодёжи, и попасть в МАрХИ на праздничные вечера в семидесятые годы мечтали многие. Просвещённая публика осаждала наши институтские вечера, пытаясь прорваться сквозь охрану. По этой причине нам часто приходилось дежурить на входе и отсекал нежелательных гостей.

Но в этот день я был свободен от дежурства и из Красного зала сразу спустился на первый этаж, где у входа в выставочный зал уже толпился народ. То ли после встречи с проректором, то ли по иной какой-то причине, но настроение моё было далеко не новогодним. Я ушёл в дальний конец зала – подальше от шумных музыкантов – и не принимал активного участия в общем веселье, оставаясь простым наблюдателем.

Так я прослонулся весь вечер, не находя себе места и никого не приглашая танцевать. Только под конец вечера, уже переместившись к источнику шума, я заметил среди танцующих одну молодую и незнакомую мне девушку, которая сразу привлекла моё внимание.

Одета она была в модные джинсы – большая редкость в те годы – и белую пушистую кофту. Её густые русые волосы были заплетены в короткую косу, которая очень шла её молодому светлому личику, убранному в мягкий красивый овал. Лёгкая, едва заметная горбинка прямого носа придавала лицу её особую прелесть и благородство. Открытый лоб опирался на прямые брови, густые к переносице и расходящиеся к вискам тонкими дугами. Но то, что меня остановило, были её глаза. В темноте и суматохе вечера я не мог определить их цвет, но та нежность, которую они излучали, в сочетании с её детской улыбкой показалась мне необычной. В её лице светилась та редкая русская красота, в которой не было и намёка на влияние степных кочевников.

Я невольно залюбовался ею.

С этой минуты всё, что происходило вокруг, перестало для меня существовать. Оглушав возбуждённую публику мощностью своей аппаратуры, музыканты всё время играли что-то быстрое. Толпа прыгала, охваченная коллективным безумием, а я не сводил глаз с девушки в белой кофте, которая танцевала в паре со своей подружкой, и было видно, как по-детски она была увлечена творившимся вокруг неё весельем. Так и простоял я до конца вечера, наблюдая за той, которая поразила меня в самое сердце.

За час до полуночи вечер закончился. Не найдя возможности познакомиться с девушкой в белом и боясь потерять её навсегда, я в отчаянии решил поехать за ней, чтобы попытаться познакомиться по дороге или, по крайней мере, узнать, где она живёт. О том, что для знакомства было уже довольно позднее время, я в тот момент не думал. Великая и неподвластная мне сила подхватила меня и увлекла за собой, не спрашивая моего желания.

Получив в гардеробе своё пальто, я вышел во двор института. Разгорячённая толпа, окружившая фонтан, выпускала клубы морозного пара. Из дверей института вываливалась возбуждённая молодёжь, и в этом множестве лиц я боялся пропустить свою незнакомку.

Наконец она появилась в сопровождении своей подруги. Улыбка по-прежнему светилась на её лице, и обе спутницы оживлённо что-то обсуждали. Девушки направились в сторону станции метро «Кузнецкий мост», я последовал за ними на небольшом удалении. В метро я сел в один вагон с ними, стараясь не терять их из виду, так как не знал, на какой станции они могут выйти.

Так доехали мы до конечной станции – «Юго-Западной». Несмотря на поздний час, в вагоне оставалось ещё достаточно пассажиров, и это помогло мне не привлекать к себе внимание. У меня ещё теплилась надежда, что подружка, рано или поздно, должна будет где-то отстать и тогда у меня появится возможность познакомиться. Но надеждам моим не суждено было сбыться.

От выхода из метро влево уходил длинный тротуар. Он тянулся мимо трёх крестообразных высотных домов, которые были мне знакомы по фильму «Ирония судьбы». Дальше дорожка пересекала большое, открытое пространство, где мне пришлось увеличить дистанцию, чтобы оставаться незамеченным. Через несколько сотен метров тротуар привёл меня к сквозному проезду длинного девятиэтажного дома, в котором скрылись идущие впереди меня девушки. Когда я миновал проезд, то на другой стороне дома уже никого не было. Вероятно, девушки зашли в один из ближайших подъездов.

Этот неожиданный финал меня очень огорчил. Некоторое время я постоял возле дома, поглядывая на окна, но, ничего не высмотрев, пошёл обратно к метро.

Была полночь...

4

Через день, тридцать первого декабря, следуя новой народной «традиции», я с друзьями отправился в Сандуновские бани. Все годы учёбы в институте мы регулярно посещали разные московские бани. Ходили всегда с утра, и чаще – в расположенные неподалёку от института Центральные бани – к «первому пару», а из бани успевали в институт – ко второй «паре». Проблем с очередями не было, так как культурный столичный народ давно был приучен пользоваться домашними ваннами. Но душа человеческая жаждет общения. Поэтому бани мы посещали исключительно из любви к демократии и «основам Римского права», ибо только в бане студенты, генералы и мясники гастрономов становились равными пред законом в лице материально ответственных банщиков. Но так было до тех пор, пока первого января 1976 года стране не был представлен фильм «Ирония судьбы». И хотя в «стране победившего социализма» рекламы не существовало, её следы обнаружились через год...

Заснеженный Звонарский переулок у Сандуновских бань напоминал разворошённый муравейник. У этого «муравейника» имелся плотный центр, который единой живой массой подпирал крепкие филёнчатые двери строения № 4 на углу переулка. Вокруг центра хаотично двигалась по своим орбитам сомневающаяся и колеблющаяся в своём выборе интеллигентная периферия. Со всех сторон в переулок стекался народ, возвещая начало новой эры в общественной жизни столицы. Новая «традиция», как снежный ком, обрастала своими новыми поклонниками. Толпа заполнила переулок, и в этом сборище жаждущих помыться людей не было ничего, что напоминало бы очередь.

Нас было трое студентов, и терять нам было нечего. Рассредоточившись по периметру плотного ядра, мы стали атаковать его, вдавливаясь в его середину. Задача была простой: пробиться как можно ближе к двери, чтобы потом, когда её откроют, быстрее занять свободные места в зале для раздевания и дожидаться подхода остальных.

Евгений, как самый юркий из нас, оказался и самым удачливым, быстро и ловко пробившись к заветному входу. Я застрял где-то в середине, безуспешно пытаюсь пробиться вперёд. Толпа жимала, давила, обезличивала десятки и сотни людей, навязывая им свои законы, превращая их в единую живую массу, устремлённую к одной цели – просочиться в заветное «игольное ушко». Важно было не провалиться вниз и не оказаться незаметно раздавленным в этот суетный предновогодний день.

Нащупав под ногами ледышку, я попытался опереться на неё, привстать, чтобы не быть поглощённым толпой, но опора была неустойчивой и постоянно выскользывала у меня из-под ног. «Должно быть, обломок сосульки мешает у меня под ногами», – подумал я и, задрав голову, сначала, на всякий случай, посмотрел наверх, но никаких сосулеч над головой не увидел. Тогда я попытался посмотреть вниз и обнаружил, что стою на бутылке «Столичной», при этом совершенно полной! «Вот так чудо!» – пронзила меня радостная мысль. Я посмотрел по сторонам – не ищет ли кто пропавшую бутылку, но взоры всех были устремлены к заветной двери. «Вот и не верь после этого в новогодние чудеса!» – подумал я и покосился в сторону храма Николая Чудотворца. Приложив немалые усилия, я присел и, нащупав бутылку, подобрал её и убрал в свой портфель.

Когда через пару часов мы отдыхали на широких, обтянутых белым полотном деревянных диванах, я достал свою находку из портфеля, сопроводив её знаменитыми словами из фильма: «Вот, жена велела взять для гостей!» Далее последовала немая сцена, а затем – радостные и одобрительные возгласы однокурсников.

Не привыкшие к такому людскому потоку, обалдевшие банщики не успевали раздавать простыни и отпускать пиво. По особому требованию, тайком, с оглядкой отпускалась и водка. Но у нас в тот счастливый день всё «было с собой». Известный сандуновский санитар – дядя Юра, изменив своей привычной медлительности, за которую когда-то был прозван «луноходом», то и дело сновал между диванами, собирая пустые пивные бутылки.

Он часто бывал в нашей пирожковой, что находилась напротив института, на углу Варсонофьевского переулка. Дядя Юра приходил туда обедать. Даже зимой, несмотря на мороз, он являлся в пирожковую в неизменном синем халате, без очереди выбивал в кассе чек, так же, без очереди, отоваривал его на раздаче – обычно он брал три пирожка с рисом и относил их на своё любимое место – к угловой стойке у окна. Затем он возвращался к раздаче, брал глубокое блюдо, ставил в него стакан и наливал горячего какао. Наливал он до тех пор, пока какао не переливалось через край стакана и не заполняло до краёв блюдо. Дальше наступало самое главное – несение стакана к своему столу. Дядя Юра, держа перед собой блюдо, готовое выскользнуть из дрожащих рук, начинал мелко семенить ногами, делая маленькие, в полступни, шажки. Он нёс свою добычу так осторожно, как будто нёс не какао с добавкой, а неразорвавшуюся гранату. Студенты и посетители пирожковой, боясь быть облитыми,

невольно расступались в стороны. На минуту жизнь в пирожковой замирала. Благополучно дойдя до места, дядя Юра усаживался на подоконник и приступал к трапезе.

В тот день баня наша удалась, хотя весь оставшийся новогодний вечер, до боя курантов, я провёл как всегда – в одиночестве. Мой сосед по комнате уехал на праздники домой, и я наслаждался редкой возможностью – побыть одному.

Я лежал на кровати и, уставившись в потолок, вспоминал события прошедшего года, и особенно ярко – отложившийся в памяти день, проведённый на Бородинском поле в конце октября минувшей осени.

5

Этот день не был похож на все остальные дни, прожитые мной ранее. Он запомнился мне не только тем, что я впервые оказался на Бородинском поле, которое мысленно, по карте давно уже исходил всё вдоль и поперёк, и не потому, что был этот день холодным, а поле – заснеженным. Я помнил этот день потому, что провёл его весь – с утра и до вечера – с Настей, моей однокурсницей, и по её же инициативе. Не обращая внимания на холод, мы весь день ходили с ней по полю, осматривая один за другим все многочисленные памятники, расставленные на обширном пространстве. Поднимались на колокольню церкви в селе Бородино, постояли на батарее Раевского, прошли вдоль Семёновских флешей, осмотрели монастырь, заложенный вдовой генерала Тучкова, и дошли до Шевардинского редута, где в 1812 году отличился мой предок – харьковский драгун.

Настя нравилась мне с первого курса. Мы учились в соседних группах и ежедневно виделись с ней. Я выбрал её из сотен других, таких же молодых студенток, но, отдав предпочтение одной, уже ни на кого больше не смотрел. И три с половиной года я мучился и страдал от неразделённости моих чувств.

Настя была небольшого роста, имела тёмно-русые, почти каштановые, волосы, которые заплетала в длинную косу. На её смугловатом лице гармонично сочетались друг с другом по-детски чуть припухлые губы, прямой нос и большие тёмно-карие глаза. Возможно, именно её глаза были тем магнитом, который притягивал меня к ней. Печальные Настины глаза напоминали мне глаза моей матери и, вероятно, поэтому мне виделось в них что-то родное. Я всегда старался быть рядом с нею: будь то летняя практика или зимний спортивный лагерь.

Но дальше дружбы на расстоянии отношения наши не заходили. Настя держала дистанцию и не желала нарушать привычный образ жизни. На мои приглашения сходить в Большой театр, в который мне иногда удавалось доставать билеты, выстаивая ночами в очередях в подземном переходе, она всегда отвечала отказом, ссылаясь на то, что уже видела эти постановки.

Настя родилась и выросла в Москве, в семье архитекторов, жила в самом центре – на Маяковке. Все эти обстоятельства и создавали тот невидимый и непреодолимый барьер, который разделял нас. В этой искажённой реальности пребывали многие, и этим многим справедливо казалось, что доставшиеся им по праву рождения привилегии следует оберегать от посторонних посягательств. Разумеется, они были правы, а я пребывал в отчаянии.

Мне нечего было предложить Насте, кроме самого себя, а ей лишь оставалось решать – принимать или не принимать мои услуги. Её подруга, видевшая мои отчаянные усилия – завоевывать внимание Насти, сочувствовала мне и пыталась утешить меня мудрым женским советом, предлагая немного подождать и дать Насте повзрослеть.

Я терпеливо ждал и тешил себя надеждой.

Увлечённый Настей, я до четвёртого курса никого не видел вокруг себя, как когда-то в школе – не замечал своих одноклассниц, поглощённый любовью к соседке по парте. Девушки из моей группы знали о моей сердечной привязанности, вероятно, понимали и всю безнадёж-

ность моих усилий, но, видя моё упорное постоянство, отговаривать меня не пытались, возможно – из самых гуманных соображений.

Меня всегда удивляла эта способность женщин видеть и понимать то, что не видят и не понимают мужчины. Просто женщины смотрят на вещи по-бухгалтерски трезво, без лишних эмоций и самообмана, и действуют по кратчайшему пути, а мужчины, как «настоящие герои» – всегда идут в обход. Простота суждений пугает мужчин, ибо развенчивает ореол женской возвышенности, оставленный нам в наследство средневековым рыцарством.

И всё потому, что – «замысел», будь он трижды неладен! Это он лишает мужчин способности понимать «загадочную» женскую душу, потому что уносит мужчин в область фантазий, где нет места простым объяснениям, где всё должно быть сложно и возвышенно. А женщина в основе своей проста и практична. Такой её создал Бог, оградив от излишних «фантазий» и возложив на неё другую ответственную задачу – воспитание детей. И если в мужчинах инстинктом заложено – «терять» голову и влюбляться, чтобы достигать своей цели, то женщины, освобождённые от подобной задачи, должны лишь трезво взвешивать предлагаемые обстоятельства и думать о «гнезде», где будут расти их дети. Таков механизм «замысла» !

Приведу одну смешную иллюстрацию. Боёк спускового механизма ружья «любит» гильзу и постоянно стремится попасть в неё своим жалом, а гильза заботится лишь о пуле, находящейся в ней...

Но тогда, в молодости, я не разбирался в этой механике и наивно жаждал ответных чувств, не зная, что ответная любовь со стороны женщины – явление скорее исключительное, чем закономерное.

Прошло несколько лет, и Настя, надо полагать, достаточно повзрослела, но в отношениях наших ничего не менялось. Всё шло своим чередом, в соответствии с утверждённым расписанием...

И вот, в начале второго семестра – мы учились уже на четвёртом курсе, – я неожиданно узнал, что Настя влюблена... но не в меня, а в какого-то студента с третьего курса. Это известие поразило меня, как зимний гром. Поначалу, и скорее от обиды, я считал, что Настя предала нашу дружбу, – по крайней мере, я так чувствовал. Я был очень расстроен таким оборотом дела и долго пребывал в подавленном настроении. Мне стало известно, что этот «счастливчик» уже познакомил Настю со своими родителями и сам, в свою очередь, был представлен её родителям. Допускаю, что он был лучше меня во всех отношениях, к тому же принадлежал к иному «сословию», так как имел московскую прописку.

Как ни горестно это сознавать, но мои права, на фоне всеобщего равенства, были весьма ограничены. Не имея московской прописки, я не имел возможности после окончания учёбы устроиться в Москве на работу, а также для меня была закрыта дорога в аспирантуру. По этой же причине я не имел права предлагать Насте «руку и сердце». Потому печальную для себя новость, поразмыслив, я принял как неизбежную. Я обрёл, наконец-то, свободу, но радости при этом не почувствовал.

Внешне наши отношения не изменились, но я уже не искал встреч с Настей, не предлагал походы в театр или помощь в выполнении какого-то задания. Поэтому её предложение поехать вместе в Бородино было для меня большой неожиданностью. Разумеется, я был рад этому предложению, но ни на минуту не забывал, что между нами уже ничего быть не могло.

В тот холодный день в конце октября мы бродили по припорошенному снегом пространству, и я рассказывал Насте о знаменитом сражении, разыгравшемся когда-то на этом живописном поле. Я рассказывал об атаках французов с поминутной точностью и показывал те места, где происходили наиболее важные столкновения. Обойдя Шевардинский курган и все памятники от деревни Семёновской до Горок, мы, уставшие, замёрзшие и довольные, зашли пообедать, а заодно и погреться, в кафе, расположенное по соседству с музеем. Обслуживавшая нас

женщина, принимая заказ, назвала Настю моей женой. Приятно и горько было это слышать... Я не стал поправлять официантку, Настя тоже сделала вид, что не заметила этой ошибки.

Уже в сумерках мы возвращались на станцию и успели к последней электричке. Я проводил Настю до дома и у самого подъезда мы встретились с её отцом, с которым она тут же меня познакомила.

Мне неизвестно, чем было вызвано такое желание Насти – отправиться со мною в Бородино. Она могла бы сделать это и со своим женихом, но, как мне думается, в отличие от меня, он не был посвящён в исторический материал. Как бы там ни было, я всю эту предысторию вспомнил для того, чтобы стало понятно, что к моменту описываемых далее событий я ни с кем и ничем не был связан и чувствовал себя вполне одиноко.

6

Прошла зимняя сессия, за ней – каникулы, которые я провёл дома, и наступил последний учебный семестр в моей студенческой жизни. В начале февраля, вернувшись после каникул в Москву, я ещё неделю не посещал занятий, проводя всё время в выставочном зале, где шла защита дипломных проектов нашего факультета ЖОС – жилищно-общественного строительства.

Зрелище, творившееся в зале, нисколько не уступало какой-нибудь театральной постановке. С каждым новым «защитником» менялся «задник» сцены. Он представлял собой два, а иногда и три яруса плотно составленных метровых подрамников, исполосованных чертежами. Пока не было введено ограничение на количество подрамников, их число доходило до двадцати и более штук. Огромные чертежи самых немыслимых архитектурных форм, выполненные вручную, как правило, с использованием «рабского» труда, представлялись взору комиссии. Масштабы работ поражали, а от мастерства исполнения захватывало дух. Первокурсники, сидевшие в последних рядах, слушали защиту, затаив дыхание, и не могли поверить, что человеческим рукам под силу совершать подобные подвиги. Особое впечатление производили девушки-дипломницы. Они выходили на «сцену» в самых красивых нарядах, сшитых специально для этого случая и непременно подобранных в тон «подаче» дипломного проекта. Эти наряды превращали обычных студенток в роскошных дам. Отношение к выбору платья для защиты дипломного проекта было куда более серьёзным, чем к выбору свадебного наряда. Что ни говорите, а свадьбы случаются в жизни гораздо чаще, чем защита дипломного проекта.

Через год предстояло и нашему курсу вот так же защищаться, и мне было важно заранее посмотреть, как это всё происходит.

После обеда мы встретились с Настей в метро на «Пушкинской» и отправились к Бунину. Всю дорогу до станции «Октябрьское поле» обсуждали работы дипломников.

Профессор Андрей Владимирович Бунин был одним из последних «великих» учителей, которыми гордился Московский архитектурный институт в семидесятые годы. Бунин заведовал кафедрой истории архитектуры. Наверное, в каждом вузе есть свои самые трудные предметы науки. В архитектурном институте таким предметом была история градостроительного искусства. Пятёрка, полученная на экзамене у Бунина, считалась наивысшей наградой для любого студента. Что касалось меня, то я был влюблён в этот предмет. Свои лекции Бунин читал в Красном зале. Входя в переполненный студентами зал, он отпуская лёгкий поклон собравшимся и следовал вдоль сцены. Проходя мимо меня, он непременно улыбался и протягивал мне руку, я вставал и принимал его рукопожатие. Была ли в этом рукопожатии его личная симпатия ко мне или таким образом он устанавливал контакт с аудиторией, не могу сказать.

Бунин поднимался на сцену, в зале гасили свет, и начиналось историческое путешествие по городам Европы и мира. Во время лекций он иногда курил, красный огонёк его сигареты

появлялся в темноте над кафедрой. Бунин был единственным в институте человеком, который позволял себе это делать.

Когда в конце первого семестра я получил на экзамене «пять», но не у Бунина (он пришёл на экзамен позже), а у его коллеги – Татьяны Фёдоровны Саваренской, я был очень расстроен.

В конце учебного года мы сдавали курсовые работы. Принимая мою, озаглавленную: «Московское государство и его географические пропилеи», Бунин долго восторгался чертежом, показывал его всем на кафедре и сказал в мой адрес несколько приятных слов. «Вы замечательный малый, – говорил он, улыбаясь и положив руку мне на плечо. – С вами очень приятно работать. Мне хочется даже расцеловать вас, честное слово. Вы будете настоящим учёным!»

Так я был рукоположен и благословлён моим любимым профессором на путь науки и познания, которому не суждено было осуществиться.

Оценив мою работу, Бунин заметил мне, что я допустил ошибки в написании заголовка. Ошибки заключались в том, что я, используя шрифт «кириллицу», везде вместо буквы «е» написал «ять». Бунин на память назвал мне несколько десятков слов-исключений, которые следовало писать через «ять», и попросил меня исправить ошибки. Затем он попросил меня помочь ему в подготовке иллюстраций к новому изданию его двухтомника «Истории...»

Я согласился без колебаний, а вскоре получил от него и первое задание. Работа была большая – десяток исторических планов разных городов, и, чтобы сократить время на её выполнение, я испросил разрешения привлечь к работе Настю, на что Бунин возражать не стал. Часть задания я передал Насте. С тех пор у нас с ней появилось общее дело...

7

Андрей Владимирович ждал нас. У порога мы разделись и прошли в кабинет, представлявший собой небольшой домашний музей старинных вещей: предметов мебели, картин, книг и ценных предметов искусства, выставленных на полках стеклянных шкафов. Про каждый предмет, находящийся в комнате, Бунин мог рассказать отдельную историю: будь то кожаные кресла, в которых сидели Аксаков и Гоголь; будь то японские гравюры XVII века или зеркало времён императрицы Екатерины.

Бунин расположился за своим рабочим столом, заваленным бумагами, где перед ним был разложен макет первого тома, усадил нас перед собой и стал расспрашивать о том, как мы провели каникулы. Потом он выдал нам новые задания, а заодно сообщил, что показывал в редакции мои чертежи и что они там кому-то понравились. Особенно он восторгался отмычкой Ники Самофракийской, на которую у меня ушёл целый месяц.

– Это своего рода совершенство! – говорил он. – У вас золотые руки, Серёжа, а ещё у вас есть то, чего нет у остальных – это вкус. Да, да – вкус. Вкус это чувство, ощущение – его нельзя объяснить, измерить. Он просто есть, или его нет.

В знак благодарности Андрей Владимирович достал из-за шкафа рулон французского «торшона» и вручил его мне.

– А сегодня я угощу вас рассказом о том, как отливали конный памятник Петру в Петербурге, – сказал Бунин, закулив сигарету и удобно откинувшись в своём кресле. – Серёжа, вы, кажется, курите?

И он протянул мне пачку «Явы». Я тогда не курил всерьёз, а скорее баловался, как и многие студенты, покуривав, особенно во время «сплошняков». В те годы курили в институте многие, и Минздрав ещё никого не предупреждал... Курить мне не хотелось, но я не посмел отказаться и взял предложенную профессором сигарету.

– Так вот, – Бунин подвинул на середину стола пепельницу и начал рассказывать.

Сидя в кожаном аксаковском кресле, потягивая сигарету, я с интересом слушал любопытную историю о том, как отливали памятник Петру. Настя тоже слушала, удобно расположившись на диване.

– При отливке коня, – говорил Бунин, – форма неожиданно дала течь. Брызнула раскалённая бронза! – он развёл в стороны руками, изображая брызги. – Памятнику грозила гибель. Фальконе к тому времени уже не было в Петербурге, он вернулся в Италию. Один из мастеров-литейщиков, крепостной мужик, не найдя ничего подходящего, заткнул дырку пальцем! ..

Для убедительности Бунин вытянул указательный палец и сделал движение рукой вперёд. После некоторой паузы он продолжил:

– Палец его горел! .. Рабочий испытывал страшную боль, но держал палец и, по мере того как палец горел, продвигал его дальше. Он держал его до тех пор, пока не застыла бронза.

Мы напряглись, слушая эту необычную историю. Андрей Владимирович загасил сигарету, и она лежала в пепельнице, похожая на обгоревший палец. Осторожно я загасил и свою.

– Так вот, мои дорогие Настя и Серёжа, – Бунин посмотрел на нас, улыбаясь. – Узнав о подвиге литейщика, царица Екатерина была настолько восхищена этим поступком мастерового, что не только дала ему вольную, но и возвела в ранг дворянина и повелела выдать ему десять тысяч рублей премии.

Подобными историями Бунин «угощал» нас каждый раз, когда мы к нему приходили. Как-то, ещё осенью, в одну из наших встреч, он, усадив нас перед собой, спросил:

– Друзья мои, я вам не рассказывал о моём открытии Тициана?

Убедившись, что мы ещё не слышали такой истории, он достал из шкафа зелёную папку, раскрыл её и выложил на стол стопку бумаг и фотографий.

– Тогда послушайте...

И Бунин рассказал нам историю одной уникальной находки, сделанной им несколько лет назад. Начал он с того, что поведал нам о своих братьях. Один его брат жил в Москве и занимался математикой, второй – академик, проживал в Харькове. Одному из них, а именно академику, он решил сделать подарок к юбилею и с этой целью отправился на Арбат в комиссионный магазин. Поскольку в магазине его хорошо знали, то допустили в кладовую – порыться в залежах старых картин. Он долго рылся, перебирая и перекладывая стопки старых почерневших подрамников с работами неизвестных художников, пока не добрался до последней небольшой картины, лежавшей на самом полу.

– Картина лежала лицом вниз на цементном полу, – движением рук Андрей Владимирович показал, как он поднял с пола картину, при этом лицо его исказилось страшной гримасой. – От сырости она была в очень плохом состоянии! Под слоем грязи и плесени краски были едва различимы. В описи картина числилась как работа неизвестного художника под условным названием «Женщины с нотами». Но когда я взял её в руки, друзья мои... я сразу почувствовал, что держу в руках не заурядную вещь, а работу мастера и, возможно, венецианской школы! Да, да! .. Я это сразу почувствовал. Это трудно объяснить, но сердце подсказывало мне, что у меня в руках нечто! ..

Бунин затаился сигаретой и выпустил в сторону струю дыма. Последнее слово – «нечто» – было произнесено им как-то особенно и с таким внутренним восторгом, что сразу же представилось мне в виде большого яблочного пирога. После паузы Бунин продолжал:

– Картина так долго пребывала в магазине, не находя своего покупателя, что цена её сделалась чисто символической – всего пятьдесят рублей. Я купил её и отдал на реставрацию... В мастерской красочный слой расчистили и переложили на новый холст, – Бунин взял стопку бумаг, вынутых из зелёной папки, и стал раскладывать их на столе. – А дальше я подверг картину долгому и подробному анализу.

На разложенных на столе листах бумаги были отображены отдельные фрагменты картины с подробными к ним комментариями. Рассматривалось сочетание цветовых пятен, контуров

предметов, деталей одежды, изображение раскрытых нот и прочих важных мелочей. Среди бумаг лежала фотография и самой картины, на которой были изображены молодая женщина с девочкой-подростком. Перед ними справа стояли раскрытые ноты, причём ноты были ромбовидной формы. Именно эта ромбовидная форма нот и помогла с точностью до десятилетия датировать время написания картины. Проведённый анализ позволил с уверенностью установить, что «спасённое» полотно принадлежало кисти Тициана.

– Это... была сенсация! ..

Он поднял указательный палец вверх и покрутил им в воздухе, как будто пытаясь услышать что-то далёкое.

О сделанном открытии он написал статью в научный журнал и собирался уже представить свою находку в Венеции, но...

Бунин развёл широко руками и покачал сокрушённо головой:

– Наш Лёничка подписал закон о возврате всех ценностей, законность приобретения которых не установлена. А как попала эта картина в Россию – никому неизвестно. – Помолчав, он добавил: – Пришлось даже отказаться от публикации в журнале статьи об этой находке.

– И где же теперь эта картина? – почти одновременно с Настей спросил я.

– Теперь она в Харькове у брата, а после его смерти станет достоянием украинского народа, – закончил свой рассказ Андрей Владимирович.

Мы пробыли у Бунина до позднего вечера, а потом вместе возвращались обратно. На «Пушкинской» мы расстались. Я вернулся к себе в общежитие и был очень рад тому, что сосед ещё не приехал и я мог один пользоваться пространством комнаты.

8

Четырнадцатого февраля в институте во время большого перерыва в подземном переходе, ведущем в столовую, я неожиданно встретил ту самую девушку, образ которой поразил меня во время новогоднего вечера и за которой я потом ехал и шёл до самого её дома.

Я не верил своим глазам! Уже смирившись с тем, что мне никогда больше её не увидеть, я был ошеломлён этой неожиданной встречей и, увидев её, застыл на месте, не в силах пошевелиться, как если бы увидел не её, а чудесного ангела с золотым нимбом над головой. Надо ли говорить, какой восторг испытал я, узнав, что она – наша студентка. И в ту же минуту я услышал, как где-то далеко в степи затрубили медные трубы и сотни коней пустились в свой последний аллюр. Звук труб усилился, и я понял, что они затрубили во мне. Что-то дрогнуло и запылало во мне ярким пламенем.

Это казалось невероятным, но получилось так, что после обеда наши группы занимались в соседних аудиториях, и я узнал, что она первокурсница. Правда, я заметил и то, что она никогда не оставалась одна. То подружки окружали её, то, как назойливые мухи, крутились мальчишки. В такой ситуации подойти к ней не представлялось никакой возможности. И тогда я решил повторить уже «опробованный» и надёжный способ: познакомиться с ней после занятий, по дороге домой.

В тот же день я ждал её у фонтана во дворе института. Она вышла, одетая в белую короткую шубку и в сопровождении двух «телохранителей», которые, впрочем, быстро исчезли, дойдя до первого перекрёстка. Приободрившись, я следовал за девушкой. Мы спустились в метро, и я уже собирался подойти к ней поближе, как неожиданно появилась новая подруга. Дальше девушки поехали вместе. Я устроился в соседнем вагоне и, зная, что ехать предстоит до конечной станции, особенно ни о чём не беспокоился и почти не смотрел в их сторону.

Но на конечной остановке среди вышедших из вагона пассажиров девушки в белой шубке не оказалось. В растерянности я выбежал на улицу, прошёл по дорожке до того самого дома, где в первый раз потерял её след, – всё было напрасно...

«Выходит, что она вышла где-то по дороге», – решил я и расстроенный вернулся к себе в общежитие.

В конце недели, в пятницу, занятия у нашего курса закончились в обед, но я задержался в институте ещё на пару часов, чтобы дожидаться окончания занятий первокурсников. Желание познакомиться с девушкой не выходило у меня из головы. Её образ тревожил меня, мысли о ней с упорным постоянством преследовали меня и толкали к этому действию.

Первый курс сдавал клаузуру – контрольную работу по проектированию. В одной из аудиторий я увидел её, склонившуюся над своим подрамником. По номеру аудитории я установил, что это была пятая группа.

На этот раз я поджидал её в вестибюле. После звонка прошло уже полчаса, прежде чем она появилась. Я подождал, пока она оделась и вышла на улицу. На этот раз она шла в окружении подруг. Они медленно пересекли двор, вышли на улицу и явно никуда не спешили. Следовать за ними в таком темпе было очень трудно. Я просто не умел ходить так медленно. Приходилось то и дело останавливаться и разглядывать витрины.

А девушки просто гуляли. Они свернули на Кузнецкий мост, миновали Петровку и вышли на Пушкинскую улицу, где я вскоре потерял их след. Вероятно, они зашли в какой-то магазин.

На этот раз я не очень расстроился, так как подумал, что после клаузуры она, скорее всего, устала и вряд ли была бы расположена к знакомству.

Итак, я имел уже три неудачных попытки познакомиться, но я не отчаивался. Напротив, я чувствовал, что внутри меня что-то пробуждается и растёт с каждым днём, облекаясь в поэтические строчки, рифмы, отдельные слова – верный признак рождения нового чувства. Я был рад этому новому состоянию – предвестнику «начала», которое манило, звало, увлекало и не давало опомниться. Оно тревожило и томило, оно вытесняло из моего сознания всё постороннее, прошлое, пережитое и уступало место новому и неизвестному. Если это была болезнь, то это была самая желанная болезнь на свете.

Судьба будто дразнила меня.

В понедельник в столовой во время обеда «она» подошла к моему столу и спросила, свободно ли место рядом со мною. «Вот он – случай! – молнией пронеслось в моей голове. – Лучше и не придумаешь». Но, к величайшему моему огорчению, место рядом со мной было занято. «И что за манера – занимать места?!» Можно было бы наплевать на то, что место было занято, и сказать девушке, что место свободно, но могла возникнуть неприятность. А этого я не мог допустить и, не поднимая головы, пробормотал в ответ что-то невнятное. Девушка села за соседний стол.

Я не мог смотреть в её сторону, не мог дальше есть и вскоре вышел. Последующие занятия наших групп проходили в соседних аудиториях. И даже у гардероба мы вместе одевались, но я не воспользовался случаем подойти к ней, так как у меня в тот день разболелось горло и я не мог нормально разговаривать.

Зима подходила к концу. Хмурые дни февраля заканчивались. И, как последние патроны в пулемётной ленте, я стал считать их и ценить, чтобы ни один из них не был истрачен напрасну. Я вдруг ощутил, что моей студенческой жизни очень скоро наступит конец. Учиться оставалось три месяца, а потом – экзамены, преддипломная практика, а дальше – диплом. Вот и весь расклад по времени на предстоящий год.

Если представить мою жизнь, начиная с самого детства, в виде дороги, то дорога эта сначала плавно, потом всё круче, но неизменно поднималась вверх. И теперь, заканчивая учёбу в институте, я, вероятно, достиг некой вершины, с которой открывался вид на все четыре стороны, – выбирай любую. В какую сторону с этой вершины покатится моё колесо и где остановит оно свой путь – я не знал.

Но я знал точно, что уже не смог бы расстаться с Москвой, которую я полюбил за эти пять лет, что прожил в ней. Я исходил её пешком вдоль и поперёк, знал все её достопримечательности, бульвары, дворы, памятники, музеи. Я боялся провинции как чумы, боялся затеряться в ней, погрузиться в её серую обыденность, так хорошо знакомую мне с детства, заболеть её безысходностью и раствориться в ней. Так мне тогда казалось.

Я мечтал об аспирантуре, желал заниматься тем делом, которому посвятил свою жизнь мой любимый учитель. В эти оставшиеся зимние дни я дочерчивал последнее его задание – план Версальского парка.

Весна не стучала вежливо в дверь, а пришла сразу, выплеснув на Москву яркий солнечный свет и вмиг переменив настроение людей и природы. В один из первых дней марта я предпринял очередную, уже четвёртую попытку познакомиться с первокурсницей, не дававшей мне покоя.

Мы встретились с ней у гардероба, и я, взяв пальто, решил выйти через боковую дверь – в надежде, что смогу следовать за девушкой, не привлекая её внимания. Но, пока я совершал свой хитроумный манёвр, следуя коридорами и каретным двором бывшего Воронцовского дворца, моя прекрасная барышня бесследно исчезла, растворившись в плотном весеннем воздухе.

Я пробежал до метро, но всё было напрасно. В очередной раз я упустил свою незнакомку.

9

То, к чему я так упорно стремился, случилось на следующий день, в пятницу четвёртого марта. Я хорошо помню этот день...

После третьей пары я спустился в вестибюль и, зная, что у первокурсников занятия уже закончились, стал ждать. Когда она в розовом свитере и джинсах спустилась по белой парадной лестнице, я быстро оделся, вышел на улицу и задержался у газетного киоска. Прошло довольно много времени, прежде чем она появилась во дворе, и, как всегда, в окружении подруг. Чтобы не сталкиваться с ними на тротуаре, я зашёл в «Архитектурную лавку» и, подождав, когда девушки пройдут вперёд, последовал за ними.

Как же медленно они шли! Мне то и дело приходилось останавливаться, чтобы не наткнуться на них. Та, за которой я следовал, шла в середине, подружки держали её под руки. На первом перекрёстке компания свернула направо и пошла вниз по Кузнецкому мосту. «Значит, предстоит прогулка», – подумал я, настраивая себя на терпеливое слежение.

Пока я был занят этой мыслью, идущие впереди девушки неожиданно остановились и обернулись, и мне ничего другого не оставалось, как машинально зайти в телефонную будку. Я долго набирал бесконечный номер, потом дожидался гудка, а когда, не дождавшись его, покинул будку, девушек нигде не было видно. «Неужели – в пятый раз?» – мгновенно промелькнуло в моей голове, и, не успев до конца додумать эту мысль, я пустился догонять пропавшую компанию и тут же почти столкнулся с нею у стоявшего впереди книжного киоска.

Тормозить было поздно и, изобразив на лице маску постороннего прохожего, я невозмутимо прошагал мимо киоска и девушек, вышел на Петровку и направился в сторону ЦУМа. Только взойдя на широкую площадку стилобата, я осторожно обернулся, но никого позади себя не обнаружил. «Снова прошляпил!» – с досадой подумал я.

Непростое дело – слежка, и я это понимал. Имея за последний месяц уже несколько неудачных попыток подобного рода, я всё же придерживался одного из своих правил – делать свою работу так, чтобы не только «объект» ничего не заподозрил, но, что ещё важнее, чтобы не привлекать к себе при этом внимание окружающих. Мало ли любопытных глаз в Москве.

Уже без особой надежды я ещё раз осмотрелся по сторонам и тут только увидел трёх потерянных «граций» на противоположной стороне улицы. Они направлялись в мою сторону.

Я наблюдал за ними в отражении витринного стекла. На какое-то мгновение я отвлёкся и не заметил, как они оказались буквально у меня за спиной. Могло показаться, что мы поменялись ролями, и уже не я, а девушки преследовали меня. Мне ничего не оставалось делать, как войти в универмаг, куда следом за мной проследовали и подружки. Я быстро смешался с толпой и, став у стены, наблюдал за ними.

Подружки, тем временем, купили мороженое и долго его ели, продолжая что-то оживлённо обсуждать. Потом они поднялись на второй этаж. Я не пошёл за ними, а занял место у одного из трёх выходов универмага, полагая, что, вероятнее всего, они будут выходить именно здесь, и я не ошибся.

У входа на станцию метро троика распалась. Дальше я спокойно ехал до конечной станции, не зная и не думая о том, как и что мне придётся говорить при знакомстве. Такого опыта у меня не было, и до сегодняшнего дня я никогда не знакомился на улице. Главное, думал я, чтобы нам никто не помешал.

На станции «Юго-Западная» мы вышли из поезда, девушка шла впереди, я следовал за ней. Улица встретила нас ярким солнечным светом и блеском искрящегося снега. Чистый весенний воздух приятно бодрил, и, несмотря на то, что дул лёгкий ветерок, холода совершенно не ощущалось. Всё кругом было наполнено предчувствием весны, какое бывает только после долгого зимнего ожидания в первые дни марта.

Миновав знакомые башни и выйдя на финишную прямую, я с отчаянной решительностью прибавил шаг и вскоре поравнялся с девушкой. Волнение моё было столь велико, что я с трудом произнёс первые слова, не слыша собственного голоса.

– Прошу прощения...

Голос мой прозвучал так, что я сам не узнал его. После такого вступления я замолчал, не зная, как дальше к ней обратиться: на «ты» или на «вы». И всё же, решив, что будет лучше на «ты», продолжил:

– Я давно хочу с тобой познакомиться...

– Не надо, – едва слышно, почти шёпотом, умоляюще произнесла она. – Зачем это?

Её простой вопрос и та интонация, с какой он был задан, озадачили меня. «Действительно, зачем это я делаю?» – подумал я, но отступить было поздно, и я продолжал:

– Извини, я не люблю знакомиться на улице. И вообще – я никогда и ни с кем ещё не знакомился. Это впервые в моей жизни... Поэтому если я ошибусь – поправь меня. Я знаю, что поступаю нехорошо, не по правилам, но у меня нет другого выхода. В институте ты всегда окружена подругами, и я не могу подойти к тебе. Может быть, ты замечала меня?

Девушка повернулась в мою сторону и внимательно посмотрела мне в лицо.

– Нет, – ответила она коротко.

«Сколько раз за последние дни мы сталкивались с ней в институте, но она не узнала меня. Конечно, для неё я был частью толпы», – подумал я.

– А я тебя знаю с новогоднего вечера...

В её лице мелькнуло что-то неуловимое, похожее на улыбку. Видя, что первый страх преодолён, я представился и спросил, как её зовут.

– Лиля, – ответила она.

– Как? – переспросил я, услышав такое редкое имя.

Лиля повторила своё имя и впервые улыбнулась.

– Лиля... – произнёс я, вслушиваясь в звук этого нежного, как сама она, слова. – Как идёт тебе это имя.

Мы прошли молча несколько шагов. Затем я снова заговорил.

– С того дня, как я впервые увидел тебя на новогоднем вечере, я всё время пытался найти тебя... Долго не видел и стал думать, что ты была у нас в институте случайным гостем. Но

потом, когда, наконец, встретил тебя снова, очень обрадовался. С тех пор и стал искать случая – с тобой познакомиться. И теперь вот думаю о тебе постоянно. Что бы это могло быть?

Лиля пожала плечами, чему-то внутренне улыбаясь.

– Может быть, весна?

– Наверное, весна, – быстро подхватила мою подсказку Лиля и уже более уверенно добавила. – Да, это весна.

Голос её звучал мягко и нежно, в глазах от яркого солнца блестели огоньки, совершенно детская улыбка оживила её лицо. Я чувствовал нарастающую неловкость от того, что не знал, как продолжить разговор, и произнёс что-то вроде:

– Хорошо, пусть будет весна... Мне очень приятно находиться рядом с тобой.

– А мне? – спросила она.

– А о тебе я как-то не подумал... Извини, – наивно улыбаясь, произнёс я.

Лиля улыбнулась, почувствовав мою иронию. Я не заметил, как Лиля замедлила шаг. Под ногами и вокруг нас лежал белый снег, и всё кругом было пропитано светом и предчувствием весны, а над головой синел бездонный купол неба.

Лиля стала объяснять мне своё отношение к жизни, и по её словам я понял, что имею дело с совсем молоденькой девочкой, которая верит, что сможет прожить очень долго, если никакие чувства и переживания никогда не будут её беспокоить. Вероятно, она услышала эту мысль от кого-то в детстве и до сих пор в неё верила. Её детские рассуждения удивили меня. Лиля, будто угадав мои мысли, подтвердила, что ей только недавно исполнилось семнадцать лет и никаких «таких» переживаний ей не хочется.

– Я человек зимний, – решительно заявила она.

– Зимний? А разве бывают зимние люди?

– Бывают...

– Значит ты снежный человек? Что-то ты не очень на него похожа, – усомнился я, – ты так улыбаешься...

– Это ничего не значит.

Какое-то время мы снова шли молча... Лиля смотрела под ноги, я временами смотрел на неё. Хотелось смеяться, но я старался сдерживать себя, чтобы не выглядеть идиотом.

– У нас неудачное расписание в этом семестре, – заговорил я, решив поменять тему разговора. – Я на пятом курсе учусь, и половину недели мы проводим то на «войне», то на Трубе.

– А Труба – это где? – поинтересовалась Лиля.

– А там, где ресторан «Узбекистан», на Цветном бульваре, вход со двора. Знаешь?

– Да... примерно...

– Ты ведь из пятой группы?

– Да...

– Значит, у нас с тобой один факультет – ЖОС – и тебе тоже придётся делать свой диплом на Трубе. А мне уже в этом году с осени – туда перебираться.

Мы прошли ещё несколько шагов. Указав на подрамник, который Лиля несла в руке, я сказал ей, что мог бы помочь сделать отмывку, но Лиля отказалась.

– Спасибо, не надо, – сказала она.

– Почему?

– Я хочу сама научиться.

– Ты права, конечно, но всё же я мог бы помочь, – и, улыбаясь, добавил: – Я в этом деле мастер.

Лиля удивлённо и растерянно посмотрела на меня. Не знаю, чему она больше удивилась: тому ли, что оказалась рядом с лучшим специалистом по отмывке, или тому, что я так беззастенчиво хвалил себя. Пока она с любопытством меня разглядывала, я смог убедиться, что

цвет её глаз был серо-зелёный. Я выразил ей своё восхищение по этому поводу. Лиля смутилась, однако уточнила, что когда она бывает на море, глаза её становятся серо-голубыми.

– А ты знаешь, я после новогоднего вечера шёл за тобой до самого дома... но ты была не одна.

– Это была моя сестра... – ответила Лиля, и мне показалось, что в её глазах к удивлению добавился лёгкий испуг.

– Сестра?.. Да, теперь понятно, почему вы всю дорогу шли вместе. И ты была почти так же одета.

– На мне была мохнатая кофта, – уточнила Лиля.

– Да, я помню – белого цвета...

– А вон и сестра! – сказала Лиля, указывая взглядом вперёд.

Шагах в пятидесяти от нас стояла девушка, одетая в строгое тёмное пальто и розовую шапочку. Через минуту мы поравнялись с ней.

– Вот, познакомьтесь, – сказала Лиля, переводя взгляд с меня на сестру. – Это Марина. А это Сергей.

– Очень приятно, – в некотором замешательстве произнесла Марина, уставившись на меня.

– Мы учимся в одном институте, – поспешил я объяснить причину своего появления.

По внешнему виду Марины было нетрудно заметить, что она была значительно старше, к тому же совершенно не похожа на Лилю. Скорее всего, она была моя ровесница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.